

**В судебную коллегия по уголовным
делам Новосибирского областного суда**

по уголовному делу № 1-7/2023

в защиту Асеева Александра Леонидовича,
осужденного приговором Советского
районного суда г. Новосибирска от 14
июня 2023 года по ч. 4 ст. 159 УК РФ

защитника адвоката Шишебарова
Геннадия Александровича

**РЕЧЬ В ПРЕНИЯХ
В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ**

Уважаемый Суд!

Обжалуемым приговором Советского районного суда г. Новосибирска от 14 июня 2023 года уважаемый и заслуженный человек, видный ученый, академик Российской академии наук Асеев Александр Леонидович признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 Уголовного кодекса РФ.

Согласно приговору, в 2015 году Асеев А.Л. путем обмана и злоупотребления доверием, с использованием служебного положения, посредством приватизации на основании решения суда приобрел в пользу своей дочери право собственности на служебный коттедж, принадлежавший ФГБУ «Сибирское отделение Российской академии наук» на праве оперативного управления, чем причинил особо крупный ущерб «бюджету Российской Федерации, Российской Федерации».

Александр Леонидович изначально не признавал вину в этом преступлении, на всех стадиях уголовного процесса заявлял о незаконности предъявленного ему обвинения, приводил многочисленные доводы в свою защиту, которые, к сожалению, были незаконно (без опровержения их), отвергнуты как стороной обвинения, так и судом.

Асеев А.Л. обжаловал приговор в отношении него, подал в судебную коллегия по уголовным делам Новосибирского областного суда апелляционную жалобу, в которой он снова повторил все доводы в его защиту, отвергнутые, но не опровергнутые государственным обвинителем и судом.

В своей речи в прениях я не буду повторять доводы его апелляционной жалобы. Полагаю, в ней подробно и обстоятельно приведены как все доводы в защиту Асеева А.Л., так и доводы, свидетельствующие о незаконности обжалуемого обвинительного приговора Советского районного суда г.

Новосибирска. Я полностью поддерживаю апелляционную жалобу Ассеева А.Л. на этот приговор.

Я скажу в защиту Александра Леонидовича то, о чем сегодня как-то не принято говорить публично, в том числе, в судах.

В 1993 году я, тогда молодой юрист, радовался, что по новой Конституции Россия стала правовым государством. Лишь с годами я понял, что правовое государство – это не состояние государства, это лишь способ регулирования общественных отношений в нем, путем правового регулирования. Это когда главным и едва ли не единственным регулятором отношений в обществе остается право.

В свои 65 лет мне довелось жить по трем Конституциям – по сталинской Конституции СССР 1937 года, по брежневской Конституции СССР 1977 года, по ельцинской Конституции Российской Федерации 1993 года (последняя, как известно, подверглась сильным изменениям в последние годы).

Спустя 30 лет после принятия Конституции России, нередко, а скорее, часто, приходится сталкиваться с ситуациями, когда между законом и его применением, между правоустановлением и правоприменением существует огромный разрыв. И этот разрыв только усиливается со временем. Особенно, это характерно для уголовного права и уголовного процесса. Как оказалось, даже самые хорошие законы не могут исполняться сами по себе.

Для того, чтобы законы исполнялись в соответствии с их духом и содержанием, недостаточно просто хорошо их знать.

Не думаю, что среди следователей, прокуроров и судей есть те, кто не знает, что такое презумпция невиновности, кто не знает содержание ст. 14 УПК РФ, которая так и называется «Презумпция невиновности».

Часть 2 этой статьи устанавливает, что обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность; бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту обвиняемого, лежит на стороне обвинения.

Из содержания данной нормы следует, что, если сторона обвинения не может опровергнуть доводы, приводимые в защиту обвиняемого, она должна их **принимать как истину**.

Но, к сожалению, в последние годы приходится наблюдать как государственные обвинители часто, фактически, уклоняются от своей процессуальной обязанности опровергать доводы, приводимые в защиту обвиняемого, просто отвергая или отрицая их без приведения мотивов, доводов, доказательств и т.д.

А ведь право стороны защиты приводить доводы в защиту обвиняемого, которые должны либо опровергаться, либо приниматься стороной обвинения в качестве истины, является не только составной частью презумпции невиновности. Это право составляет и содержание права на защиту обвиняемого, поскольку доводы приводятся именно в ЗАЩИТУ обвиняемого.

В настоящем уголовном деле государственный обвинитель в своей речи в прениях предложила суду не принимать во внимание доводы Асеева А.Л. в свою защиту только потому, что он заинтересован в исходе дела!

Но ведь каждый обвиняемый, в той или иной мере, заинтересован в исходе уголовного дела в свою пользу. **КАЖДЫЙ!** И это нормально! И права, предусмотренные ст. 47 УПК РФ, обвиняемому предоставлены, отнюдь, не для установления истины в уголовном деле, а для того, чтобы обвиняемый мог защищаться против предъявленного ему обвинения на основе собственного интереса в исходе уголовного дела. Ведь обвиняемый в противостоянии с государством является слабой стороной. Государство, у которого, практически, неограниченные силовые ресурсы в уголовном деле, **ОБВИНЯЕТ**, а обвиняемый лишь **ЗАЩИЩАЕТСЯ**. И защищаться он может только **СЛОВОМ** с помощью защитника-адвоката, в арсенале которого тоже лишь одно «оружие» - **СЛОВО**. И когда это **СЛОВО** обвиняемого и защитника не хотят слышать те, кому они адресованы (следователи, их руководители, прокуроры, судьи), вне всякого сомнения, обвиняемый становится **БЕЗЗАЩИТЕН!**

Обращение государственного обвинителя к суду в прениях сторон не принимать во внимание доводы Асеева А.Л. в его защиту потому, что он заинтересован в исходе дела, равносильно умышленному или неосознанному отказу государственного обвинителя от фундаментальных принципов российского уголовного судопроизводства – от презумпции невиновности, от права обвиняемого на защиту. И, к сожалению, суд в настоящем уголовном деле в этом занял не сторону Закона, он встал на сторону обвинения. В результате уважаемый и заслуженный человек, уважаемый ученый, академик РАН в настоящем уголовном деле оказался лишен даже права **ЗАЩИЩАТЬСЯ**, поскольку его **СЛОВО** в свою защиту не захотели услышать ни государственный обвинитель, ни суд. Они просто отмахнулись от его **СЛОВ**.

И это при том, что в завершающей части судебного заседания по настоящему уголовному делу сторона защиты пыталась побудить государственного обвинителя на деле реализовать основные принципы уголовного судопроизводства презумпцию невиновности, состязательность сторон, право обвиняемого на защиту. Для этого Асеевым А.Л. было заявлено письменное ходатайство суду о принятии дополнительных мер для обеспечения состязательности сторон в ходе судебного разбирательства уголовного дела (оно имеется в уголовном деле). Это ходатайство было доведено в судебном заседании и до государственного обвинителя. Но, как говорится, увы!..

Не думаю, что среди следователей, прокуроров и судей есть те, кто не знает содержание части 1 статьи 88 УПК РФ, которая устанавливает правила оценки доказательств по уголовному делу: **каждое доказательство** подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные **доказательства в совокупности** - достаточности для разрешения уголовного дела. Но эта важная норма уголовного процесса в повседневной жизни очень часто

нарушается, когда следователи, прокуроры и судьи в уголовных делах оценивают доказательства не каждое в отдельности, а, так сказать, «оптом». Оценка доказательств «оптом» позволяет их «размазать» и за набором слов, предложений, фраз спрятать отсутствие доказательств вины обвиняемого (подсудимого) в уголовном деле.

Настоящее уголовное дело по обвинению Асеева Александра Леонидовича – яркий пример тому. В своем выступлении в суде апелляционной инстанции Асеев А.Л. проиллюстрировал в качестве примера ту часть обжалуемого приговора, в которой суд приводит «совокупность доказательств», якобы опровергающих доводы в его защиту. На самом деле при исследовании каждого доказательства в отдельности, как того требует закон, становится понятно, что в этой «совокупности» нет доказательств, опровергающих доводы в защиту Александра Леонидовича.

Не думаю, что среди следователей, прокуроров и судей есть те, кто не знает, что потерпевшим может быть лишь физическое или юридическое лицо (ч. 1 ст. 42 УПК РФ). На этот счет есть и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. N 17 "О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве", в п. 21 которого разъяснено, что, когда вред причинен имуществу, закрепленному за государственным или муниципальным предприятием, учреждением во владение, пользование и распоряжение (пункт 4 статьи 214 и пункт 3 статьи 215 ГК РФ), то такое предприятие или учреждение признается потерпевшим.

Но, не смотря на это, вслед за обвинением, суд в приговоре указал, что вред действиями Асеева А.Л. причинен «бюджету Российской Федерации, Российской Федерации» при том, что Российская Федерация – государство, оно юридическим лицом не является и статус потерпевшего в уголовном деле иметь не может. И не смотря на то, что потерпевшим по уголовному делу признано юридическое лицо - ФГБУ «Сибирское отделение Российской академии наук».

Правовое определение бюджета дано в ст. 6 Бюджетного кодекса РФ, под которым понимается «форма образования и расходования денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления». Выбытие в результате действий Асеева А.Л. из владения ФГБУ «Сибирское отделение Российской академии наук» служебного коттеджа, находившегося у этого бюджетного учреждения в оперативном управлении, ну, никак не может причинить вред бюджету РФ, поскольку этот коттедж ни в доходной, ни в расходной части бюджета РФ не учитывается и не является ни доходом, ни расходом бюджета РФ (как известно, Федеральный Закон о бюджете принимается на каждый год).

Разделяя позицию Асеева А.Л. о незаконности всего предъявленного ему обвинения, тем не менее, не могу не задать вопрос (себе) - для чего следователь и суд, поправ уголовно-процессуальный закон, соответственно, в обвинении и в приговоре Асееву А.Л. не указали, что ущерб от действий последнего причинен

ФГБУ «Сибирское отделение Российской академии наук» и, напротив, указали, что ущерб причинен «бюджету Российской Федерации, Российской Федерации»?

Для меня ответ на этот вопрос очевиден. Таким нехитрым способом следователь и суд постарались существенно повысить «общественную опасность» действий Асеева А.Л. - ведь он причинил ущерб не просто государственному бюджетному учреждению, он причинил особо крупный ущерб «бюджету Российской Федерации, Российской Федерации».

Сегодня становится все больше тех, кто понимает, для того, чтобы закон действовал и исполнялся, недостаточно лишь правовых регуляторов, в том числе, правовых санкций. Для эффективного применения закона наряду с правом необходимо наличие целой совокупности других социальных регуляторов - культуры, морали, традиций, обычаев, религии и др. Отказавшись в начале 1990-х от советской культуры, морали и традиций, за минувшие 30 лет мы не обрели ни новой культуры, ни новой морали, ни новых традиций.

Я воспитан в советское время атеистом, но я понимаю, насколько велико значение религии в обществе. И я осознаю, будучи поруганной и разрушенной при советской власти, сегодня религия не проникла в наши сердца и души, она чаще воспринимается нами как некая услуга.

Покойный Патриарх Алексей II в беседе с молодежью 30 июня 1991 года сказал: «...Общество, в которое вы войдете (или в которое введут вас), будет небывалым еще в истории. Это не похвала ему. Это предостережение вам. Дело в том, что впервые общество конкурентной экономики будет создаваться в условиях духовной разрухи...». Сейчас я понимаю, как мудр был Патриарх, как он был прав!

Года три-четыре назад я задал вопрос знакомому прокурору (мы с ним вместе начинали работать в 1979 году, сейчас он уже год-два как на пенсии) о том, как давно он в своей прокурорской среде слышал словосочетание «правовая культура». Он сначала засмеялся, а потому задумался и ответил, что не слышал этих слов уже лет десять-пятнадцать...

Сегодня с горечью приходится констатировать, из нашего оборота исчезают и уже почти исчезли слова «правосознание», «правовая культура», «совесть»... Главным мотиватором в работе правоохранителей и судов как-то незаметно стала статистика. Соответственно, Закон уступает статистике и отходит на второй план в соперничестве с ней. При наличии огромного количества законов, у нас исчезает Дух Закона, исчезает Право. Сегодня уже никто не стесняется говорить о том, что в России суды перестали выносить оправдательные приговоры, хотя уголовно-процессуальный закон их не отменял.

Культуру, в том числе, правовую культуру, в отличие от законов, нельзя «запустить» ни директивно, ни призывами. Для того, чтобы она формировалась и развивалась, нужны соответствующие стандарты поведения, примеры для подражания. Нужны действия, нужны поступки тех, кто на них способен. В том числе, в форме судебных актов. Судебные акты, пронизанные совестью и

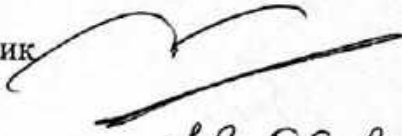
справедливостью, в которых присутствует не только закон, но и его Дух, Право, вне всякого сомнения, могут быть теми примерами и образцами для подражания, теми стандартами поведения, на основе которых и будет формироваться, развиваться новая правовая культура.

Уважаемый Суд, убежден, Ваше решение по апелляционной жалобе Асеева Александра Леонидовича может не только восстановить законность в его уголовном деле. Ваше итоговое решение по настоящему уголовному делу может стать тем примером (образцом), на основе которого будут формироваться, развиваться новая правовая культура и правосознание в нашем обществе. Для этого есть все предпосылки:

- настоящее уголовное дело имеет повышенный общественный интерес, поскольку к уголовной ответственности по этому делу привлекается заслуженный уважаемый человек, видный ученый, академик Российской академии наук;
- в настоящем уголовном деле переплелись разные правоотношения (жилищные, гражданские, семейные, административные, финансовые, уголовные, уголовно-процессуальные);
- сегодня общество, юристы, особенно, молодые юристы, остро нуждаются в примерах бережного и уважительного отношения к Закону, к Праву, нуждаются в судебных актах, которые несут в себе новую правовую культуру.

А иначе все, чем мы занимаемся здесь, теряет всякий смысл! Особенно, сегодня и сейчас.

Защитник

адвокат Шипшебаров Г.А.

12.09.2023